

Воспоминания, очерки, репортаж. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://mandelshamjoseph.ru/> Приятного чтения!

Воспоминания, очерки, репортаж. Осип Эмильевич Мандельштам

МЕНЬШЕВИКИ В ГРУЗИИ

1

Оранжерея. Город-колибри. Город пальм в кадках. Город малярии и нежных японских холмов. Город, похожий на европейский квартал в какой угодно колониальной стране, звенящей москитами летом и в декабре предлагающей свежие дольки мандарина. Батум, август 20-го года. Лавки и конторы закрыты. Праздничная тишина. На беленьких колониальных домиках выкинута красная фляжка. В порту десятка два зевак затерты администрацией и полицейскими. На рейде покачивается гигант Лойд Триестино из Константинополя. Дамы-патронессы с букетами красных роз и несколько представителей джентльменов садятся в моторный катер и отчаливают к трехпалубному дворцу.

Сегодня лавочникам и воскресным буржуа приспичило посмотреть на самого Каутского. И вот, катерок бежит обратно: и по деревянному мостику засеменели улыбающиеся вожди «настоящего европейского социализма». Цилиндры. Очаровательные модельные платья – и много, много влажных, дрожащих роз.

Каждого гостя бережно, как в ватную коробку, усаживают в автомобиль и провожают восклицаниями. Одного из делегатов неосведомленная береговая толпа принимает за Каутского, но выясняется ошибка и глубокое разочарование: Каутский очень жалеет, шлет привет – приехать не может. Тут же передается другая версия: чересчур откровенный флирт грузинских правителей с Антантой оскорбил немецкие чувства Каутского. Все-таки Германия зализывала свежие раны... Зато приехал Вандервельде. Они уже стояли на балконе профсоюзного «Дворца труда». Вандервельде говорил. Я никогда не забуду этой речи. Это был настоящий образец официального, напыщенного и пустого, комического в своей основе, красноречия. Мне вспомнился Флобер, мадам Бовари и департаментский праздник земледелия, классическое красноречие префектуры, запечатленное Флобером в этих провинциальных речах с завыванием, театральными повышениями и понижениями голоса, влюбленный, влюбленный в свою декламацию буржуа, – а все как один человек чувствовали, что перед ними буржуа – говорил: я счастлив вступить на землю истинной социалистической республики. Меня трогают (широкий жест) эти флаги, эти закрытые магазины, небывалое зрелище, по случаю приезда социалистической делегации.

– Вы цивилизовали этот уголок Азии (как характерно сказалось здесь поверхностное невежество французского буржуа и презрение к старой, вековой культуре). Вы превратили его в остров будущего. Взоры всего мира обращены на ваш единственный в мире социалистический опыт.

2

За неделю до приезда Вандервельде в Батум пришел другой пароход. Не из Константинополя, а из Феодосии – маленькая плоскодонная, небезопасная на Черном море, азовская баржа с палубными пассажирами, бывшими в пути семь дней.

С этим пароходом приехали крымские беженцы. Родина Ифигении изнемогала под солдатской пятой. И мне пришлось глядеть на любимые, сухие, полынные холмы Феодосии, на киммерийское холмогорье из тюремного окна и гулять по выжженному дворику, где сбились в кучу перепуганные евреи, а крамольные офицеры искали вшей в гимнастерках, слушая дикий рев солдат, приветствующих у моря своего военачальника.

В эти дни Грузия была единственной отдушиной для Крыма, единственным путем в Россию. Визы в Грузию выдавались контрразведкой сравнительно легко. Связь меньшевицкой и врангелевской контрразведки была прочно налажена. Людью бросались туда и обратно. Отпускали в Грузию для того, чтобы поглядеть куда и как он побежит – а потом сгребали – и обратно в ящик.

Семь дней волновался тугой синей холст волн. На карачках ползали за кипятком. Дагестанцы в бурках угощали зверобоем. Хорошо из тюрьмы перейти прямо на корабль, в раздвижную палатку пространства с влажным ковровым полом.

На сходнях встречает студент, облеченный полномочиями. Вспомнились распорядители кавказских балов в Дворянском Собрании. – Ваш паспорт, – и ваш – и ваш! получите

Воспоминания, очерки, репортаж. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru через три дня. Пустая формальность. – Почему не у всех? – Формальность. Дагестанцы в бурках глядят искоса.

В городе предупреждают: не ходите в советскую миссию – выследят и схватят. Не ходим. Поедем в Тифлис, все-таки столица. Город живет блаженной памятью об англичанах. Семилетние дети знают курс лиры. Все профессии и занятия давно стали побочными. Единственным достоянием человека считается торговля, точнее, извлечение ценностей из горячего, калифорнийского, малярийного воздуха. Меншевицкий Батум был плохой грузинский город.

Высокие аджарцы в бабьих платках, коренные жители, составляли низшую касту торговли мелочью на базарах. Густой, разноплеменный сброд, смешался в дружную торговую нацию. Все, грузины, армяне, греки, персы, англичане, итальянцы говорили по-русски. Дикий воляпюк, черноморское русское эсперанто носился в воздухе.

3

Через три дня после приезда я невольно познакомился с военным губернатором Батума. У нас произошел следующий разговор.

– Откуда вы приехали? – Из Крыма. – К нам нельзя приезжать. – Почему? – У нас хлеба мало. – Неожиданно поясняет:

– У нас так хорошо, что если бы мы позволили, к нам бы все приехали. – Эта изумительно наивная, классическая фраза глубоко запечатлелась в моей памяти. Маленькое «независимое» государство, выросшее на чужой крови, хотело быть бескровным. Оно надеялось чистеньким и благополучным войти в историю, сжатое грозными силами, стать чем-то вроде новой Швейцарии, нейтральным и от рождения «невинным» клочком земли.

– Вам придется ехать обратно.

– Но я не хочу здесь оставаться, я еду в Москву.

– Все равно. У нас такой порядок. Каждый едет туда, откуда он приехал.

Аудиенция кончена. Во время разговора по комнате шныряли темные люди и, жадно и восторженно указывая на меня, в чем-то убеждали губернатора. В потоке непонятных слов все время выделялось одно: большевик.

Люди лежат на полу. Тесно, как в курятнике. Военнопленный австриец, матрос из Керчи, человек, который неосторожно зашел в русскую миссию, буржуа из Константинополя, юродивый молодой турок, скребущий пол зубной щеткой, белый офицер, бежавший из Ганджи. Офицера берет на поруки французская миссия. Турка выталкивают пинками на свободу. Остальных в Крым. Нас много. Ничем не кормят, как в восточной тюрьме. Кое у кого есть деньги. Стража благодушно бегают за хлебом и виноградом. Раскрывают дверь и впускают рослого румяного духанщика с подносом персидского чаю. Читаю нацарапанные надписи; одна запомнилась: «Мы бандитов не боимся пытки, ловко фабрикуем Жордания кредитки». Одного выпускают. Он по глупости опять заходит в советскую миссию, на другой день возвращается обратно. Похоже на фарс, на какую-то оперетку. С шутками и прибаутками людей отправляют туда, где их убьют, потому что для крымской контрразведки грузинская высылка высшая улика, верное тавро. Я вышел в город за хлебом, с путником-конвойным. Его звали Чигуа. Я запомнил его имя, потому что этот человек меня спас. Он сказал: – у нас два часа времени, можно хлопотать, пойдем куда хочешь. – И таинственно прибавил: – я люблю большевиков. Может, ты большевик?

Я, оборванец каторжного вида, с разорванной штаниной, и часовой с винтовкой ходили по игрушечным улицам, мимо кофеен с оркестрами, мимо итальянских контор. Пахло крепким турецким кофе, тянуло вином из погребов. Мы заходили, наводя панику, в редакции, профсоюзы, стучались в мирные дома по фантастическим адресам. Нас неизменно гнали. Но Чигуа знал, куда меня ведет, какой-то человек в типографии всплеснул руками и позвонил по телефону. Он звонил к гражданскому генерал-губернатору. Приказ: немедленно явиться с конвойным. Старый социал-демократ смущен. Он извиняется. Военная власть действует независимо от гражданской. Мы ничего не можем поделать.

Я свободен. Могу курить английский табак и ехать в Москву.

Воспоминания, очерки, репортаж. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru

Перегон Батум–Тифлис. Мальчики и девочки продают в корзинках черный виноград-изабеллу – плотный и тяжелый как гроздь самой ночи. В вагоне пьют коньяк. Разгоряченная атмосфера пикника и погоня за счастьем. Вандервельде с товарищами уже в Тифлисе. Красные флажки на дворцах и автомобилях. Тифлис, как паяц, дергается на ниточке из Константинополя. Он превратился в отделение константинопольской биржи. Большие русские газеты полны добродушья и мягкой терпимости, пахнет «Русским Словом», двенадцатым годом, как будто ничего не случилось, как будто не было не только революции, но даже мировой войны.

ПЕРВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Горой пухнет лестница, ведущая в Андреевский зал, и упирается в лубочную живопись: Александр III принимает волостных старшин. Огромное полотно, царь, похожий на лихача, окруженный старшими дворниками в поддевках и бляхах и коронационными бурятами.

Мимо этого музейного сокровища, туда, где непомерно-высокий зал, с бальным светом, приютит отважных разноязычных друзей, собравшихся к нам в гости для крепкой беседы.

Первое впечатление – именно беседы, а не «заседания». Многие встали с мест и облепили переводчика. Тот, с акцентом немецкого волжского колониста, перекладывает только что сказанную иностранную речь. Двое или трое слушают его по-крестьянски, вытянув голову, всем корпусом наклонившись.

А рядом та же речь журчит в английском пересказе, и, уже не вставая с мест, хладнокровно слушают американские фермеры и индусы, японцы.

Говорит финский оратор. На широких плечах, неуклюже, по-воскресному, сидит мешковато пиджак. Он говорит, величественно и глубоко дыша, как будто у себя перед финской аудиторией, с высоко поднятой крупной головой.

Говорит поляк, подыскивая русские выражения; ему не хватает слова и с крестьянского стола летит дружеский подсказ.

Гляжу на китайских делегатов. Ясно мне представляется огромный жизненный путь этих маленьких людей со спичечным худым телом и матовыми бледными лицами, изможденных студентов. Европейская одежда кажется на них пустой, до того в них мало плоти и все ушло в беспокойную мысль, в огромное деятельное напряжение.

Сразу узнаю французских южан. Гасконцев и провансальцев: виноградари с эспаньолками и буйными артистическими шевелюрами.

Врожденное изящество и благородство движений древнего индусского народа отличает представителей индусов.

Рядком за последним столом уселись русские делегатки, пожилые женщины в черных косынках, с материнскими строгими лицами. Делегаты – российские крестьяне тянутся к листкам раздаваемых тезисов. Видно, как им хочется подойти поближе к чужестранцам. Они подсаживаются к ним, разглядывают их с ласковым любопытством.

Среди французской делегации мелькают лица, как бы вышедшие из галереи парижской коммуны. Это большеголовые бородачи, с упрямыми лбами мыслителей, философы действия, незаметно переходящие из кабинетов на баррикады.

Центр тяжести для всех работа у себя дома, и все волнуются о том, как выйдет дома у них то, о чем здесь говорится. Южанин, француз, финн, поляк, норвежец, все говорят с оглядкой на свое домашнее, и в голосе нота стыда за своих братьев, если они равнодушны или превращены в холопов.

Состав конференции очень пестрый. Здесь есть люди, только что вышедшие из массы и еще теплые от прикосновения к ней, есть крупные деятели, организаторы европейского масштаба, но под каждым шевелится своя крестьянская глыба, и все хотят поднять одну огромную тяжесть.

Вдруг, после разговора с человеком земли, переносишься как бы в аудиторию германского университета и слышишь расчлененную, отточенную и методическую речь.

Воспоминания, очерки, репортаж. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru Непонимающие уходят в кулуары и гурьбой возвращаются назад послушать переводчика. Географии не соблюдают, перепутались местами. Почтительным вниманием, как ласковая бабушка, окружена гостья конференции Клара Цветкин. Этим людям есть что друг другу сказать. Вот китаец положил руку на плечо молодого мексиканца. Оба удивленные и обрадованные.

В кулуарах треплется маленькая реликвия: свежая августовская афиша пролетарской ассоциации искусств, изгнанной фашистами из Баварии и перекочевавшей в город Иену.

НЮЭН-АЙ-КАК

В ГОСТЯХ У КОМИНТЕРНЩИКА

– А как отразилось в Индокитае движение Ганди? Не дошли ли какие-нибудь волны, отголоски? – спросил я Нюэн-Ай-Кака.

– Нет, – отвечал мой собеседник. – Аннамитский народ, крестьяне, живет погруженный в глубокую кромешную ночь – никаких газет, никакого представления о том, что делается в мире; ночь, настоящая ночь.

Нюэн-Ай-Как – единственный аннамит в Москве, представитель древней малайской расы. Он почти мальчик, худой и гибкий, в вязанной шерстяной телогрейке. Говорит по-французски, на языке угнетателей, но французские слова звучат тускло и матово, как приглушенный колокол родной речи.

Нюэн-Ай-Как с отвращением произносит слово «цивилизация»; он объехал почти весь колониальный мир, был в северной и центральной Африке и достаточно насмотрелся. В разговоре он часто произносит «братья». Братья – это негры, индусы, сирийцы, китайцы. Он написал письмо Рене Марану, офрануженному негру, автору густо-экзотической Батуалы и поставил вопрос ребром: хочет или не хочет Маран помочь освобождению колониальных братьев? – Рене Маран, увенчанный французской академией, отвечал сдержанно и уклончиво.

– Я из привилегированной аннамитской семьи. Эти семьи у нас ничего не делают. Юноши изучают конфуцианство. Вы знаете, конфуцианство – это не религия, а скорее наука о нравственном опыте и приличиях. И в основе своей предполагает «социальный мир». Мальчиком, лет тринадцати, я впервые услышал французские слова: свобода, равенство и братство – ведь для нас всякий белый – это француз. И мне захотелось познакомиться с французской цивилизацией, прощупать, что скрывается за этими словами. Но в туземных школах французы воспитывают попугаев. От нас прячут книги и газеты, запрещают не только новых писателей, но даже Руссо и Монтескье. Что было делать? Я решил уехать. Аннамит – крепостной. Нам запрещено не только путешествовать, но и малейшее передвижение внутри страны. Железные дороги построены со «стратегической» целью: по мнению французов мы еще не созрели ими пользоваться. Я добрался до побережья, ну и уехал. Мне было девятнадцать лет. Во Франции шли выборы. Буржуа обливали друг друга грязью, – судорога почти физического отвращения пробегает по лицу Нюэна-Ай-Кака. Тусклый и матовый, он загорается блеском. В больших зрачках тяжелая вода – он косит и смотрит зрячим взглядом слепого.

– Когда пришли французы, все порядочные старые семьи разбежались. Сволочь, которая умела прислуживаться, захватила брошенные дома и усадьбы; теперь они разбогатели – новая буржуазия – и могут воспитывать детей на французский лад. Если мальчик идет у нас учиться к католическим миссионерам, это уже отбросы, подонки. За это платят деньги. – Ну и идут низколобые тупицы, все равно, как если бы шли служить в полицию, жандармерию. Католическим миссионерам принадлежит у нас пятая часть всей земли. С ними могут потягаться только концессионеры.

– Что такое французский колонизатор? О, какой это бездарный и недалекий народ. Первая забота – устройство родственников. Затем – нахватать и наgrabить как можно больше и скорее, а цель всей этой политики – маленький домик, «свой домик» во Франции.

– Французы отравляют мой народ. Они ввели обязательное употребление алкоголя. Мы берем немного хорошего рису и делаем хорошую водку, – когда придут друзья или в семейный праздник предков. Французы брали плохой дешевый рис и гнали водку бочками. Никто не хотел у них покупать. Слишком много водки. Тогда губернаторам предписали по количеству душ населения сделать обязательную водочную раскладку и заставили насильно покупать водку, которой никто не хотел.

Воспоминания, очерки, репортаж. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru

Мне наглядно представилось, как спаивают этот нежный народ, любящий такт и меру, ненавидящий излишества. Врожденным тактом и деликатностью дышал весь облик Ньюн-Ай-Кака. Европейская цивилизация работает штыком и водкой, пряча их под сутану католического миссионера. Ньюн-Ай-Как дышит культурой, не европейской культурой, – быть может, культурой будущего.

– Сейчас в Париже группа товарищей из французских колоний – пять-шесть человек из Кохинхины, Судана, Мадагаскара, Гаити издают журнальчик «Пария», посвященный борьбе с колониальной политикой французов. Это совсем маленький журнальчик – каждый сотрудник доплачивает на его издание из своего кармана, вместо того чтобы получать гонорар.

Бамбуковая трость с вырезанным на ней воззванием незаметно обошла все деревни. Ее пересаживали с места на место – и сговор состоялся. Он дорого обошелся аннамитам, были казни, полетели сотни голов.

– У аннамитского народа нет священников и нет религии, в европейском смысле. Культ предков – чисто социальное явление. Никаких жрецов. Старший член семьи или деревенский старейшина совершает поминальные обрядности. Мы не знаем, что такое авторитет жреца или священника.

– Да, интересно, как французские власти научили наших крестьян словам большевик и Ленин. Она начали преследовать коммунистов среди аннамитов в то время, как никаких коммунистов и в помине не было. И, таким образом, вели пропаганду.

Аннамиты – простой и вежливый народ. В благородстве манер, в тусклом, матовом голосе Ньюн-Ай-Кака слышен завтрашний день, океанская тишина всемирного братства.

На столе рукопись. Спокойный, деловой отчет. Телеграфный стиль корреспондента. Он фантазирует на тему: Конгресс Интернационала в 1947 году. Он видит и слышит порядок дня, он там присутствует, он ведет протокол.

На прощанье Ньюн-Ай-Как что-то вспоминает: – Да, у нас был еще один «мятеж». Его поднял аннамитский царек Зюнтан. Против увоза наших крестьян на французскую бойню. Зюнтан бежал. Теперь он в эмиграции. Скажите и о нем.

АРМИЯ ПОЭТОВ

1. И их сотни тысяч

Во французских гимназиях-лицеях в число предметов обучения входит версификация – писание стихов. Французские мальчики упражняются в писании александрийских двенадцатисложников по старому испытанному рецепту.

Во французской гимназии вряд ли представляют себе другую поэзию, кроме официальной; юноши получают венки и награды за «академические» стихи, – внешне грамотные, на самом деле глубоко фальшивые и пораженные крупнейшими недостатками.

Очевидно, эта школьная учеба отбивает вкус к сочинению стихов, и молодое поколение, средне-буржуазный юноша, выходя из гимназии, стряхивает с себя поэтическую пыль, вместе с учебниками.

В России юношеское сочинение стихов настолько распространено, что о нем следовало бы говорить, как об огромном общественном явлении, и изучать его, как всякое массовое, хотя бы и бесполезное, но имеющее глубокие культурные и физиологические причины производства.

Знакомство, хотя бы и поверхностное, с кругом пишущих стихи вводит в мир болезненный, патологический, в мир чудаков, людей с пораженным главным нервом воли и мозга, явных неудачников, неумеющих приспособляться в борьбе за существование, чаще всего страдающих не только интеллектуальным, но и физическим худосочием.

Лет десять назад, в эпоху снобизма «бродячих собак», юношеское стихописание носило совершенно другой характер. На почве безделья и обеспеченности, молодые люди, не спешившие выбрать профессию, ленивые чиновники привилегированных учреждений, маменькины сынки, – охотно рядились в поэтов со всеми аксессуарами

Воспоминания, очерки, репортаж. Осип Эмильевич Мандельштам mandelstamjoseph.ru этой профессии: табачным дымом, красным вином, поздними возвращениями, рассеянной жизнью.

Сейчас это поколение выродилось, игрушки и аксессуары разбиты, и среди массы пишущих стихи очень редко попадаются поэты-снобы, изнеженные и хорошо обеспеченные.

При исключительно трудной борьбе за существование десятки тысяч русских юношей умудряются отрывать время от учения, от повседневной работы для сочинения стихов, которых они не могут продать, которые вызывают одобрение, в лучшем случае, лишь немногочисленных знакомых.

Это, конечно, болезнь и болезнь не случайная, недаром она охватывает возраст от 17 до 25 приблизительно лет. В этой форме, уродливой и дикой, происходит пробуждение и формирование личности, это ничто иное, как неудачное цветение пола, стремление вызвать к себе общественный интерес, это жалкое, но справедливое проявление глубокой потребности связать себя с обществом, войти в его живую игру.

Основное качество этих людей, бесполезных и упорных в своем подвиге, это отвращение ко всякой профессии, почти всегда отсутствие серьезного профессионального образования, отсутствие вкуса ко всякому определенному ремеслу. Как будто поэзия начинается там, где кончается всякое другое ремесло, что, конечно, неверно, так как соединение поэтической деятельности с профессиональной – математической, философской, инженерной, военной – может дать лишь блестящие результаты. Сквозь поэта очень часто просвечивает государственный человек, философ, инженер. Поэт не есть человек без профессии, ни на что другое не годный, а человек, преодолевший свою профессию, подчинивший ее поэзии.

Спутником этого отвращения к профессии является, и на этом пункте я чрезвычайно настаиваю, отсутствие всякой физической жизнерадостности, чисто физиологическая апатия, нелюбовь и незнакомство со спортом, движением, попросту отсутствие настоящего здоровья, обязательная анемия.

После тяжелых переходных лет количество пишущих стихи сильно увеличилось. На почве массового недоедания увеличилось число людей, у которых интеллектуальное возбуждение носит болезненный характер и не находит себе выхода ни в какой здоровой деятельности.

Совпадение эпохи голода, пайка и физических лишений с высшим напряжением массового стихописания – явление не случайное. В эти годы (Домино, Кофейни Поэтов и разных Стойл) молодое поколение, особенно в столицах, необходимостью было отчуждено от нормальной работы и профессиональной науки, между тем, как в профессиональном образовании и только в нем скрывается настоящее противоядие от болезни стихов, настоящей жестокой болезни по тому, как она уродует личность, лишает юношу твердой почвы, делает его предметом насмешек и плохо скрытого презрения, отнимает у него то уважение, которым пользуется у общества его здоровый сверстник.

У больного «болезнью стихов» поражает полное отсутствие ориентации не только в его искусстве и литературных школах, но и в общих вопросах, в отношении к обществу, к событиям, к культуре.

Попробуйте перевести разговор с так называемой поэзии на другую тему – и вы услышите жалкие и беспомощные ответы, или просто – «этим я не интересуюсь». Больше того, больной «болезнью стихов» не интересуется и самой поэзией. Обычно он читает только двух-трех современных авторов, которым он собирается подражать. Весь вековой путь русской поэзии ему незнаком.

Пишущие стихи в большинстве случаев очень плохие и невнимательные читатели стихов; для них писать было бы одно горе; крайне непостоянные в своих вкусах, лишенные подготовки, прирожденные не-читатели – они неизменно обижаются на совет научиться читать, прежде чем начать писать.

Никому из них не приходит в голову, что читать стихи – величайшее и труднейшее искусство, и звание читателя не менее почтенно, чем звание поэта; скромное звание читателя их не удовлетворяет и, повторяю, это прирожденные не-читатели.

Воспоминания, очерки, репортаж. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru Разумеется, все, что я сейчас говорю, относится к массовому явлению. Дальше я попытаюсь подойти к нему ближе, классифицировать его и дать несколько типичных примеров.

Мне хочется лишь сказать, что волна стихотворной болезни неизбежно должна схлынуть в связи с общим оздоровлением страны. Молодежь последнего призыва дает меньше поэтов, больше читателей и здоровых людей.

Меня могут спросить, почему бы по примеру французской буржуазной школы не ввести стихописание, версификацию в наше школьное обучение, чтобы показать трудность этого дела, научить его уважать.

На это я отвечу – уже во Франции школьное обучение стихотворчеству нелепо, потому что оно имеет смысл только там, где существует веками неподвижная общепризнанная поэтическая манера: система просодии, как например, в древней Греции.

Не только русский, но и европейский стих переживает сейчас коренную ломку, поэтому школа, не имея перед глазами увековеченного и прославленного образца, будет поставлена в затруднение, чему учить, и, в лучшем случае, даст лишь подражателей отдельным и случайным поэтам.

Одно дело, если юноша учится писать во всенародной и общепринятой поэтической манере, это просто грамота. Грамоте же можно учить.

Другое дело – подражание отдельным авторам, это дело вкуса, и оно остается на личной совести подражателя.

Кто же они, эти люди – не глядящие прямо в глаза, потерявшие вкус и волю к жизни, тщетно пытающиеся быть интересными, в то время, как им самим ничего не интересно? О них я хочу рассказать в следующий раз – без глумленья, как о больных.

2. Кто же они такие?

Встреча в редакции тяжелого, допотопного, уже не существующего ежемесячника. Входит милый юноша, хорошо одетый, неестественно громкий смех, светские движения, светское обращение совсем не к месту. Надышавшись табачного дыму, уже собираясь уходить, он словно что-то вспоминает и с непринужденностью обращается к бородатому, одурманенному идеологией и честностью редактору: – А скажите, вам не подошли бы французские переводы стихов Языкова? – Глаза у всех раскрылись – было похоже на бред. Он пришел сюда предложить французские стихи и притом переводы Языкова. Когда ему пролепетали вежливое – не нужно, он ушел веселый и ничуть не смущенный. Дикий образ этого юноши мне запомнился надолго. Это был какой-то рекорд ненужности. Все было ненужно: и Языков ему, и он журналу, и французские переводы Языкова России. Не знаю, легко ли ему ходить по людям с таким товаром, но он отверженный, он щеголь и гордится этим.

Однажды я застал у себя в комнате мрачного, очень взрослого человека. Он стоял в шляпе с толстым портфелем, решительный, тяжелый и глядел с ненавистью. Ни тени приветливости, ни улыбки, ни даже обыкновенной просьбы не выражало его лицо: лицо враждебное и ненавидящие глаза. С сосредоточенной враждебностью он сообщил, что его многие слушали и одобрили «из вашей компании», как он выразился с оттенком презрительности, и вдруг уселся, вытащил из портфеля пять клеенчатых тетрадей: – У меня есть драмы, трагедии, поэмы и лирические вещи. Что вам прочесть? – Обязательно прочесть вслух. Обязательно немедленно. Требование и все та же непримиримая ненависть.

– «Я не знаю, чего вам нужно, на какой вкус вам нужно. Вашей компании нравилось. Я могу на разный вкус». Когда его тихонько выпроводили, у меня создалось впечатление, что в комнате побывал сумасшедший. Но я ошибся: то был разумный взрослый человек, отец семейства, по образованию техник, но неудачный, инженеру забросил, где-то служит, кормит семью, но иногда на него «находит», и с тяжелой, звериной ненавистью, обращенной даже на собственные кожаные тетради, он врывается в чужие жилища, требует, чтобы его похвалила какая-то «компания», чтобы ему кто-то помог и признал. С ним нельзя говорить. Он оскорбит и хлопнет дверью. С ним разговор закончился бы где-нибудь в пивной бурной исповедью и слезами.

Воспоминания, очерки, репортаж. Осип Эмильевич Мандельштам mandelstamjoseph.ru
Еще один: голубоглазый, чистенький, с германской вежливостью, аккуратностью приказчика и шубертовской голубой дымкой в глазах. Его приход не уродлив: в нем нет ничего насильственного и безобразящего человеческое общенье. Просто, слегка извиняясь, оставляет детскую каллиграфическую рукопись. И что же? – в убогих строчках, косноязычных напевах – благородный дух германской романтики, темы Новалиса, странные совпадения, беспомощные создания подлинно высокого духа. Он приказчик в нотном магазине, был настройщиком, полу-немец. Да читайте же Новалиса, Тика, Брентано. Ведь есть же целый мир, которому вы, кажется, сродни. – Не читал, не догадался, предпочитает писать. Этот или излечится совсем от высокой болезни, или станет настоящим человеком.

Молодой человек в голодное время ходил к классическому поэту и читал ассирийские стихи. Чтобы заставить себя слушать, он приносил сахар. Будучи убежден, что все вообще ерунда и что все можно подделать – и ассирийскую мифологию и сахар он приносил в дар поэту. Он стеснялся бедности и всяческого убожества – он поддерживал самоуважение странными своими жертвоприношениями. Судьба подняла его очень высоко – сейчас у него международное бюро для марочных коллекционеров. Он сохранил только скептицизм, неуважение к своему ассирийскому учителю и убеждение, что все можно подделать.

Стихотворцев в Москву и Петербург шлет Сибирь, шлет Ташкент, даже Бухара и Хорезм. Всем этим людям кажется, что нельзя ехать в Москву с голыми руками, и они вооружаются чем могут – стихами. Стихи везут вместо денег, вместо белья, вместо рекомендаций, как средство завязать сношения с людьми, как способ завоевать жизнь. Ребенок кричит оттого, что он дышит и живет, затем крик обрывается – начинается лепет, но внутренний крик не стихает, и взрослый человек внутренне кричит немым криком, тем же древним криком новорожденного. Общественные приличия заглушают этот крик – он сплошное зияние. Стихотворство юношей и взрослых людей нередко этот самый крик – атавистический, продолжающийся крик младенца.

Слова безразличны – это вечное я живу, я хочу, мне больно.

Он приехал из Иркутска, из рабочих, большое самолюбие, не боится правды, когда ему говорят «плохо», он привез не стихи, а сплошной крик. Ему кажется, что это похоже не то на Маяковского, не то на каких-то имажинистов. Ни на что не похоже. Короткие строки, два-три слова, дробит, грызет, захлебывается, душит, неистовствует, затихает, опять куда-то громоздится, ревет, слова безразличны, слова непослушны, все выходит не так, как он хочет, но слышен в них древний рев: я живу, я хочу, мне больно, и, может быть, еще одно уже от взрослого и сознательного человека – помогите! Таких как этот – десятки тысяч. Они – самое главное – им нужно помочь, чтобы они перестали кричать, когда для них будет покончено со стихами – этим атавистическим ревом, – начнется лепет, начнется речь, начнется жизнь.

Я спрашиваю – как они сами себя слышат – ведь это очень важно – все зло в том, что они себя оглушают, дурманят звуком собственного голоса, кто просто орет, не считаясь с синтаксисом, чувством и логикой, – кто подпевает в нос, кто бормочет, раскачиваясь на арабский лад, кто выдумал речитативную себе погудку и запевает под мелодическую сурдинку. Смотришь на листок бумаги и думаешь – ведь неглупый человек написал – как он может в этом что-нибудь находить? Но послушаешь, как он это читает – литургия, пророк, носовые звуки, уже на русскую речь непохоже – до того торжественно. Сохранившиеся эстеты напирают на окончания прилагательных – анный, онный, любители грубых стихов на новый лад читают стихи, словно ругаются, наступая на слушателей с проклятием и угрозами. Ну, конечно: голос – рабочий инструмент, без погудки нельзя, она что рубанок. Голосом, голосом работают стихотворцы. Правильно. Но голос этих людей – их собственный враг. С таким голосом ничего не сошьешь, не сладишь.

Другая черта – жажда увидеть себя напечатанным, хоть где-нибудь, хоть как-нибудь. Убеждены – вот напечатают, и сразу начнется новая жизнь. Ничего не начнется. Печатанье не событие, даже самое хорошее стихотворение не сдвинет с места литературных гор. Девушки и барышни, рукодельницы стихов, те, что зовут себя охотно Майями и хранят благоговейную память о снисходительной ласке большого поэта. Ваше дело проще, вы пишете стихи, чтобы нравиться. А мы сделаем вот что: – заговор русской молодежи – не глядеть на барышень, которые пишут стихи.

Воспоминания, очерки, репортаж. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru
А кто же будет писать стихи? Да разве на это вообще нужно разрешение – все мы носим ботинки, а ведь мало кто шьет башмаки. А многие ли умеют читать стихи? А ведь пишут их почти все.

КИЕВ

I

Самый живучий город Украины. Стоят каштаны в свечках – розово-желтых хлопущах-султанах. Молодые дамы в контрабандных шелковых жакетах. Погромный липовый пух в нервическом майском воздухе. Глазастые большеротые дети. Уличный сапожник работает под липами жизнерадостно и ритмично... Старые «молочарни», где северные пришельцы заедали простоквашей и пышками гром петлюровских пушек, все еще на местах. Они еще помнят последнего киевского сноба, который ходил по Крещатику в панические дни в лаковых туфлях-лодочках и с клетчатым пледом, разговаривая на самом вежливом птичьем языке. И помнят Гришеньку Рабиновича, бильярдного мазчика из петербургского кафе Рейтер, которому довелось на мгновение стать начальником уголовного розыска и милиции.

В центре Киева огромные дома-ковчег, а в воротах этих гигантов, вмещающих население атлантического парохода, вывешены грозные предупреждения неплательщикам за воду, какие-то грошовые разметки и раскладки.

Слышу под ногами какое-то бормотание. Это хедер? Нет... Молитвенный дом в подвале. Сотня почтенных мужей в полосатых талесах разместилась как школьники за желтыми, тесными партами. Никто не обращает на них внимания. Сюда бы художника Шагала!

Да, киевский дом это ковчег, шатаемый бурей, скрипучий, жизнелюбивый. Нигде, как в Киеве, не осязаемо величие управдома, нигде так не романтична борьба за площадь. Здесь шепчут с суеверным страхом: «Эта швея делает квартирную политику – за ней ухаживает сам Ботвинник!»

Каждая киевская квартира – романтический мирок, раздираемый ненавистью, завистью, сложной интригой. В проходных комнатах живут демобилизованные красноармейцы, без белья, без вещей и вообще без ничего. Терроризированные жильцы варят им на примусах и покупают носовые платки.

Киевский дом – ковчег паники и злословия. Выходит погулять под каштанами Драч – крошечный человек с крысиной головой.

– Знаете, кто он? Он подпольный адвокат. Его специальность – третейские суды. К нему приезжают даже из Винницы.

В самом деле, за стеной у Драча идет непрестанный суд. Сложные вопросы аренды, распри мелких компаньонов, всяческий дележ, ликвидация довоенных долгов – велика и обильна юрисдикция Драча. К нему приезжают из местечек. Он присудил бывшего подрядчика, задолжавшего кому-то сто царских тысяч, выплачивать по тридцать рублей в месяц, – и тот платит.

Клуб откомхоза и пищевкуса. На афише «Мандат». Потом бал. Ночью улица наполняется неистовым ревом. С непривычки страшно.

На Крещатике и на улице Марата отпечаток какого-то варшавского, кондитерского глянца. Отель «Континенталь» – когда-то цитадель ответственных работников – восстановил все свои инкрустации. Из каждого окна торчит по джазбандному негру. Толпа вперяет взоры на балкон второго этажа. Что случилось? Там Дуров кого-то чешет...

Киевляне гордятся: все к ним приехали! В городе сразу: настоящий джазбанд, Еврейский Камерный из Москвы, Мейерхольд и Дуров, не говоря уже о других.

Колченогий карлик Дурова выводит погулять знаменитую собаку-математика – событие! Негр идет с саксофоном – событие! Еврейские денди – актеры из Камерного – остановились на углу – опять событие!

Среди бела дня на Крещатике действует рулетка-буль. Тишина похоронного бюро. Матовые котлы стола вспыхивают электричеством. В тощем азарте мечутся два-три невзрачных клиента. Эта убогая рулетка днем была зловещей.

Всякое происшествие в Киеве вырастает в легенду. Так например, я десятки раз

Воспоминания, очерки, репортаж. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru слышал о беспризорном, который укусил даму с ридикюлем и заразил ее страшной болезнью.

Беспризорные в пышных лохмотьях, просвечивающих итальянской оливковой наготой, дежурят у кафе. Таких отобранных, лукавых и живописных беспризорных я не видел нигде.

Террасами громоздится великий днепровский город, переживший беду.

Дом-улица «Пассаж», обкуренный серой военного коммунизма... И славные дома-руины... Против бывшей Думы – Губкома – Марксов памятник. Нет, это не Маркс, это что-то другое! Может, это замечательный управдом или гениальный бухгалтер? Нет, это Маркс.

Киев коллеги Павла Галагана, губернатора Фундукля, Киев лесковских анекдотов и чаепитий в липовом саду вкраплен здесь и там в окружающую советскую столицу. Есть горбатые сложные проходные дворы, пустыри и просеки среди камня, и внимательный прохожий, заглянув под вечер в любое окно, увидит скудную вечерю еврейской семьи – булку-халу, селедку и чай на столе.

II

Трамвайчик бежит вниз к Подолу. Слободка и Туруханов Остров еще под водой. Свайная мещанская Венеция. За все великолепие верхнего города всегда расплачивался Подол. Подол горел. Подол тонул. Подол громили. Подол выдержан в строго плюгавом стиле. Целая улица торгует готовым платьем. Вывески – «Лувр», «Змичка».

На площади «Контрактов» – киевской ярмарки – деревянный кукиш каланчи, уездный гостинный двор, луковки подворий.

Презрение к Подолу чрезвычайно распространено в буржуазном городе: «Она кричит, как на Подоле», «У нее шляпка с Подола», «Что вы от него хотите? Он торгует на Подоле».

Плоскими улицами Подола я вышел на Днепр к старику Розинеру – несчастному лесопильному компаньону. Мудрый семьянин и старейшина лесного дела сидел на теплой шершавой доске. У ног его лежали нежные как гагачий пух опилки. Он понюхал щепотку древесной пыли и сказал:

– Эта балка больна – чахоточная... Разве так пахнет здоровое дерево?

И взглянув на меня желтыми овечьими глазами, заплакал, как плачет дерево – смолой.

– Вы не знаете, что такое частный капитал! Частный капитал это мученик! – и старик развел руками, изображая беспомощность и казнь частного капитала.

Мученики частного капитала чтут память знаменитого подрядчика Гинзбурга, баснословного домовладельца, который умер нищим (киевляне любят сильные выражения) в советской больнице. Но можно еще жить, пока есть крепкое изюмное вино, любой день превращающее в Пасху, густые прозрачные сливянки, чей вкус само удивление, и солоноватое вишневое варенье.

На этот раз я не застал в Киеве никаких слухов и никаких крылатых вымыслов за исключением твердой уверенности, что в Ленинграде идет снег.

Одно в Киеве очень страшно: это страх людей перед увольнением, перед безработицей.

– У меня в жизни была цель. Много ли человеку нужно? Маленькую службочку!

Потерять работу можно по увольнению (режим экономии) и украинизации (незнание государственного языка), но получить ее невозможно. Сокращенный или сокращенная даже не сопротивляются, а просто обмирают как жук, перевернутый на спину, или ошпаренная муха. Заболевших раком не убивают, но их сторонятся.

Вместо серной кислоты обиженные киевские жены мстят мужьям, добиваясь их увольнения. Я слышал такие рассказы в зловеще-романтическом киевском стиле.

Воспоминания, очерки, репортаж. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru
Прислушайтесь к говору киевской толпы: какие неожиданные, какие странные обороты! Южно-русское наречие цветет – нельзя отказать ему в выразительности.

– Не ездите коляску в тени, ездите ее по солнцу!

А сколько милых выражений, произносимых нараспев, как формулы жизнелюбия: «Она цветет как роза», «Он здоров как бык» – и на все лады спрягаемый глагол «поправляться».

Да, велико жизнелюбие киевлян. У входа в пышные приднепровские сады стоят палатки с медицинскими весами, тут же «докторский электрический автомат», помогающий от всех болезней. Очередь на весы, очередь к автомату.

На Прорезной я видел богомолка. Сотня босых баб шла гуськом, а впереди – монашек-чичероне. Бабы шли, не озираясь, слепые ко всему окружению, не любопытные и враждебные, как по турецкому городу.

Странное и горькое впечатление от нынешнего Киева. Необычайно по-прежнему жизнелюбие маленьких людей и глубока их беспомощность. У города большая и живучая душа. Глубоким тройным дыханием дышит украино-еврейский-русский город.

Немного напоминает о годах эпической борьбы. Еще торчит на Крещатике остов семиэтажной громады, зияющей сквозными пролетами как Колизей, а напротив другая громада с банковскими вывесками.

Днепр входит в берега. Пространство врывается в город отовсюду, и широкая просека Бибиковского бульвара по-прежнему открыта – на этот раз не вражеским полчищам, а теплым майским ветрам.

БАТУМ

I

Весь Батум как на ладони. Не чувствуешь концов-расстояний. Бегаешь по нему как по комнате, к тому же воздух всегда какой-то парной, комнатный. Механизм этого маленького, почти игрушечного, городка, вознесенного условиями нашего времени на высоту русской спекулятивной Калифорнии, необычайно прост. Есть одна пружина – турецкая лира. Курс лиры меняется должно быть ночью, когда все спят, потому что утром жители просыпаются с новым курсом лиры и никто не знает, как это произошло. Лира пульсирует в крови каждого батумца, провозглашают же утренний курс булочники.

Это очень спокойные, вежливые, приятные турки, продающие традиционный лаваш из очень чистой и пресной американской пшеницы. Утром хлеб – десять, днем – четырнадцать, вечером – восемнадцать, на другое утро почему-то – двенадцать.

Занятий у жителей нет никаких. Естественным состоянием человека считается торговля. На фоне коренного населения резко выделяются советские работники отсутствием лир и соприкосновением с черным хлебом, которого ни один настоящий батумец и в глаза не видит.

Спекулятивная иерархия Батума тоже очень ясна и проста. В центре системы стоит десяток иностранных фирм, известных каждому ребенку и окруженных божественным почитанием – Валацци, Ллойд Триестино, Сага, Сала, Витали, Камка и т. д... Но обожествление не мешает жизнерадостным иностранцам, толстеньким, поджарым и кругленьким, наравне с прочими носиться по Греческой улице из конторы в контору, из магазина в магазин, колдуя над священной валютой.

Зимы нет. Продавцы мандаринов и чумазые мальчишки с баклавой и гузинаками на каждом шагу. Чуть нагретое нежно-голубое море ласково положится вокруг «Принца Фердинанда» (только что из Константинополя) – многоэтажной океанской гостиницы, где «хрусталем дрожит дорожный табльдот».

Молодые константинопольские коммерсанты в ярко-желтых ботинках, перебирая янтарными четками, летают по набережной. Несмотря на свой лоск они чем-то напоминают негров, переодетых в европейское платье, а еще больше экзотических исполнителей, некогда подвизавшихся на кафешантанских подмостках.

Все двери лавок на набережной открыты. Здесь в уютном полумраке важно беседуют жирные и апатичные персы, едва не раздавленные грузом собственных товаров –

Воспоминания, очерки, репортаж. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru мануфактуры, сахара, мыла, обуви. Горе вам, если вы вздумаете зайти в одну из таких лавок и прицениться к чему-нибудь: по ошибке вам могут продать товару миллиарда на два – это все оптовое.

Господствующий язык в Батуме – русский: даже самые матерые иностранцы на третий день начинают говорить по-русски. Это тем более забавно, что русских в Батуме почти совсем нет, да, пожалуй, и грузин немного: город без национальности – в погоне за наживой люди потеряли ее.

Вот случай, показательный для глубокого отчуждения Батума, – в самом большом местном кинематографе идет итальянский фильм из русской жизни: «Ванда Варенина» (одно имячко чего стоит!)... В этом изумительном сценарии русские женщины, как турчанки, ходят под черной фатой и снимают ее только в комнате. Русские «князья» щеголяют в оперных костюмах из «Жизни за царя», катаются на тройках в английской упряжи, причем сани напоминают замысловатый корабль скандинавских викингов.

Я был на этом представлении. Никто в переполненном зале не удивлялся и не смеялся – все, очевидно, находили, что это вполне естественно, и лишь когда итальянский фильм показал русское венчание и молодых ввели в церковь в каких-то огромных коронах, немногочисленные красноармейцы не выдержали и зароптали.

Чрезвычайно характерна для Батума эмиграция из Крыма. Крым теперь захудал, обернуться там трудно, и вот каждый рейс «Пестеля» привозит в Батум партию беженцев из Феодосии, Ялты, Севастополя. Сначала они неуверенно бродят по Греческой улице, но проходит несколько дней, они опереются и становятся гражданами вольного города.

II

Дождь, дождь, дождь, – это значит нельзя выйти на улицу. Дождь может идти и завтра и послезавтра: зимний дождь в Батуме это грандиозный теплый душ на несколько недель. Никто его не боится и, если нужно по делу, всякий батумец пойдет куда угодно даже в такой потоп, когда Ной побоится высунуться из ковчега. Вот спешит «центросоюзник» на службу в свой родной Центросоюз в охотничьих сапогах – последняя кооперативная выдача. Он смело переходит вброд самые опасные места и даже нарочно выбирает там, где поглубже.

Центросоюз внешне процветает, работа кипит с утра до ночи в маленьком чистеньком особнячке у самого приморского бульвара с пихтами, олеандрами и пальмами, в том самом доме, где – по свежему преданию – англичане держали военный суд. С раннего утра неутомимые кооператоры в непромокаемых плащах и макинтошах снаряжают автомобили для осмотра чаквинских чайных плантаций и плодовых имений. С раннего утра в приемных толкуются иностранные купцы, ведомые, как агнцы на заклание, местными коммерсантами (всегда можно отличить того, кого ведут, и того, кто ведет), и не без легкого подбострастия проникают в кабинет заведующего, где встречают острый и пронизательный суд библейского Соломона или кади из «Тысяча и одной ночи».

– Мы – «общественные купцы», – с гордостью говорят батумские кооператоры. – Нам ни тепло, ни холодно от Центросоюза, – твердит простой обыватель. Но обыватель требует синицу в руки, ему нужно сейчас же что-нибудь осязательное. Между тем, если бы не Центросоюз, тесно связанный с Внешторгом, не было бы никакого удержания, никакой управы на иностранных хищников, которые находят здесь отпор своей алчности и авторитет, перед которым они должны склониться.

Но дождь идет не вечно. Как по волшебству просыхают чистенькие улицы. Батумский потоп – это царство проточной воды. После дождя город только омылся, освежился. Начинается зимнее гулянье на бульваре. В январе люди сидят на теплом щебне пляжа, близко, у самых волн, только что не купаются. Тут-то начинается праздник для портовых турецких кофеен – это сердцевина всего города: его маленькие клубы и биржи. В кофейне темно и накурено. Ароматный тягучий кофейный пар стоит в воздухе. В глубине золотыми угольками тлеет неугасающе жаровня, и на ней в медных тигельках самим хозяином изготавливается божественный напиток. Слуга выбился из сил, перенося маленькие кофейные чашечки, сопровождаемые стаканом холодной воды.

Вот заходит газетчик. У него припасены газеты на всех языках. Каждому – свое.

Старый почтенный турок покупает турецкий «Коммунист» и медленно читает вслух

Воспоминания, очерки, репортаж. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru другим. Что поймет он, купец и патриарх, в предлагаемом ему новом учении? Он морщит лоб, но не улыбается. Как и весь его народ, он хорошо воспитан и привык уважать чужое мнение.

Самое приятное в торговом Батуме это именно торговые дома. В них есть благообразие и культура, которых нет в скороспелых итальянских и прочих европейских торговых фирмах, где царствует суэта и нехороший хищный дух. Есть один пункт, где торговля Востока не чета европейской – именно: торговля не только аппарат распределения, но социальное явление, и в привычках торгующего Востока чувствуешь уважение к человеку, которого нельзя просто обобрать и с кашей съесть.

Наступают сумерки, но Батум не хочет ложиться спать. По Маринской улице до поздней ночи движется сплошная праздничная лавина; чувствуется, что каждый в этой толпе «сделал дело» и теперь пожинает плоды своей коммерческой тонкости. Ярко освещены лари и подворотни с фруктами и южной зимней утехой – мандаринами. Какие-то предприимчивые чумазые мальчишки, выплясывая лезгинку, бросаются под ноги прохожим, которые в ужасе откупаются мелкой подачкой. Толпа настолько оживлена, что ее радостный и громкий ропот долетает на четвертый этаж и баюкает ваш первый сон.

А в это время целые кварталы мертвы, как пустыня. Это специальные кварталы лавок у моря. Целые улицы, потухшие, во тьме, с наглухо закрытыми – железными тяжелыми висячими замками – ставнями. Бродят только сторожа с неусыпными трещотками, охраняя спящие миллиарды. Впрочем, сквозь железные ставни кое-где пробивается свет и во многих лавках живут. Дело в том, что в Батуме нет квартир, нет даже «жилищного кризиса». Он устранен очень просто – комнат настолько бесповоротно нет, что никому даже не приходит в голову их искать. В Батуме, если вы приезжий, вас не спрашивают, где вы живете, а спрашивают, где вы ночуете. Страх перед бездомными приезжими так велик, что ни в одной кофейной нельзя оставить вещей с вокзала: хозяева уверены, что вы к ним вернетесь ночевать, и боятся этого, как чумы. Мелкие торговцы ютятся в своих ларьках и будках, размерами не больше собачьей конуры. Каким образом устраиваются крупные приезжие коммерсанты – это совершенно таинственно. Очевидно, лира побеждает законы пространства.

По характеру своего интернационального торгового оживления Батум напоминает колониальный город или европейский квартал где-нибудь в Шанхае. До чего убогим кажется после него Новороссийск со своим прекрасным, гигантски оборудованным портом, со своими элеваторами, которые высоко поднимают на курьих ножках фантастически длинные, похожие на купальни, приемники для зерна. Все это спит и ждет пробуждения, но в городе чувствуется какая-то особая серьезность, и он как бы готовится к исполнению огромной предстоящей ему экономической задачи. Но пока что в пустых холодных лавках, где на прилавок демонстративно брошен кусок бязи, героические коммивояжеры с какими-то воровскими по привычке ухватками лихорадочно набивают чемоданы батумскими нитками и влекут куда-то подозрительную стопудовую ношу в опасный и темный путь, вечно стремясь к берегам своей Аркадии.

III

У иностранца, который свое посещение Советской России ограничивает Батумом, должно получиться очень странное впечатление, зато для нас Батума вполне достаточно, чтобы судить о прелестях Константинополя.

В Батуме никто не жалуется на тяжелые времена, и только одна подробность напоминает о том, что есть люди без лир, – это небольшие плакатики, неизбежно украшающие каждую лавчонку, каждый маленький духан: «Кредит никому» и даже – «Кредит не кому» по самой разной орфографии. Но истинная торговля не обходится без кредита, и на самом деле, достаточно взять где-нибудь коробку папирос, чтобы на следующий день получить в кредит другую.

Все это чрево и служение лире, но у Батума есть и высшие потребности – кое-что для души. На Маринской улице кружок ОДИ – общество деятелей искусств. Здесь устраиваются смехотворные выставки макулатурных живописцев, скупаемые заезжими греками, а местные эстеты и снобы расхаживают под раскрашенными олеографиями, воображая себя на настоящем верниссаже. Есть в Батуме и поэты, изысканней которых трудно себе представить. Город постоянно подвергается налетам заезжих шарлатанов – «профессоров» и «лекторов». Один из них устроил публичный суд над Иудой Искариотом, причем самовольно объявил на афише об участии местного ревтрибунала, за что и был привлечен к ответственности.

Воспоминания, очерки, репортаж. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru

Еженедельно, по субботам, город оглашается звуками военной музыки из общественного собрания: это пир на всю ночь, очередной благотворительный вечер в пользу голодающих – с лото, американским аукционом и тому подобными прелестями. Здесь оставляются миллиарды.

Если вечер грузинский, ни на минуту не умолкает гипнотическая музыка сазандарий, путешествующая от столика к столику, пока кто-нибудь из пирующих не поднимется грозно и не пропляшет лезгинку под раздирающий сердце аккомпанемент тары.

Что такое теперешний Батум? Вольный торговый город, Калифорния золотоискателей, грязный котел хищничества и обмана, сомнительное окно в Европу для советской страны... Очаровательный полувосточный средиземноморский порт с турецкими кофейнями, вежливыми купцами и русскими торгующими матросами, которые топчут его хищную почву так же беззаботно, как топтали почву Шанхая и Сан-Франциско. Будем помнить, что воздух современного Батума, солнечный, влажный и нездоровый, пропитан неуважением к будущей пролетарской России, к ее строительству, ее нравственному облику и страданию.

Да и коммерческая польза от Батума невелика и сильно раздута. Горы товара, наваленные в батумских складах, если разобраться, – непристойная дешевка, предназначавшаяся раньше для колониальных стран и дикарей.

Наш лозунг должен быть таков: освободиться поскорее от гегемонии Батума, чтобы соленый морской ветер освежил наш трудовой дом через окна здоровых гаваней – Одессы, Новороссии, Севастополя и Петербурга, где в добрый час выставляется первая рама.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В августе девятнадцатого года ветхая баржа, которая раньше плавала только по Азову, тащила нас из Феодосии в Батум. Хитрый полковник дал нам визы и отпустил к веселым грузинам, твердо рассчитывая получить нас обратно, ибо, как потом оказалось, были сделаны самые хозяйственные распоряжения на этот счет. Чистенькая морская контрразведка благословила наш отъезд. Мы сидели на палубе вместе с купцами и подозрительными дагестанцами в бурках, пароход уже огибал феодосийский берег, но забыл свою подорожную и вернулся обратно. Никогда мне не встречалось, чтобы пароход что-нибудь забыл, как рассеянный человек.

Пять суток плыла азовская скорлупа по теплому соленому Понту. Пять суток на карачках ползали мы через палубу за кипятком, пять суток косились на нас свирепые дагестанцы: «Ты зачем едешь?» – «У меня в Тифлисе родные». – «А зачем они в Тифлисе?» – «У них там дом». – «Ну, ничего, поезжай, всяк человек свой дом имеет. На, пей», – и протягивал стаканчик с каким-то зверобоем, от которого делались судороги и молния раздирала желудок.

Вечером на пятые сутки пришли в Батум, стали на рейде. Город казался расплавленной и раскаленной массой электрического света, словно гигантское казино, горящее электрическими дугами, светящийся улей, где живет чужой и праздный народ. Это после облупленной полутемной Феодосии, где старая Итальянская улица, некогда утеха южных салоппниц, где Гостиный двор с колоннадкой времен Александра Первого и по ночам освещены только аптеки и гробовщики. Утром рассеялось наваждение казино и открылся берег удивительной нежности холмистых очертаний, словно японская прическа, чистенький и волнистый, с прозрачными деталями, карликовыми деревцами, которые купались в прозрачном воздухе и, оживленно жестикулируя, карабкались с перевала на перевал. Вот она, Грузия! Сейчас будут пускать на берег.

На берег сойти не мешают, только какие-то студенты, совсем такие, как у нас распорядители благотворительных вечеров, почему-то это всегда были грузины, отобрали на сходнях парохода паспорта: дескать, всегда успеете их получить, а нам так удобнее. Без паспортов в Батуме было ничуть не плохо: зачем паспорта в свободной стране?

Нигде человек не окажется бездомным. Мы опекали в дороге двух почтенных старушек, выгружали их замысловатый многоместный багаж, и вот мы в кругу уютной батумской семьи, душой которой является «дядя». Этот «дядя» живет, собственно, в Лондоне и едет сейчас в Константинополь. Он такой кругленький и приятный, будто сам биржевой курс принял образ человека и сошел на землю сеять радость и

Воспоминания, очерки, репортаж. Осип Эмильевич Мандельштам mandelstamjoseph.ru благоволение между людьми. После обеда симпатичное семейство отпустило нас в город. Ничто не сравнится с радостным ощущением, когда после долгого морского пути земля еще плывет под ногами, но все-таки это земля, и смеешься над обманом своих чувств и топчешь ее, торжествуя.

Как иностранцы, мы, конечно, сразу попали впросак: спрашивали у прохожих, где кафе «Маццони», между тем так называется там по-гречески простокваша, что и вывешено на каждой кофейне. Наконец мы нашли свое маццони с зонтиками-грибами над столиками и увенчали день чашечкой турецкого кофе с рюмкой жидкого солнца – горячего мартела. Здесь приключилась встреча. Долговязый А., закованный в чудовищный серебряный браслет. Он спяну полез целоваться, но, узнав, что мы едем в Москву, сразу помрачнел и исчез.

На другой день отправились получать паспорта, чтобы все было в порядке. На самой чистенькой улице, где все пахнет порядочностью, где остролистые тропические деревья стесняются, что они растут в кадках, нас принял любезный комиссар и осведомился о наших намерениях. Мне показалось, что мы очаровали друг друга искренностью и доброжелательством. Он вникнул во все, беспокоился, не потеряю ли я в чужой стране без друзей. Я стараюсь успокоить его и называю Сергея Х. Он очень обрадовался, как же, как же, мы его знаем, мы его неделю назад выслали... Называю еще одно имя, кажется Рюрика Ивнева, – он опять радуется: оказывается, его тоже знают и тоже выслали. Теперь, говорит, вам осталась одна маленькая формальность – получить визу генерал-губернатора. Это совсем близко, вам покажут дорогу.

Пошли к губернатору, а у проводника карман оттопырен. Кто-то из нас сразу попытался оценить эту подробность. Этот карман означал как бы инкубационный период лишения свободы. Но мы шли на встречу с чистым и невинным сердцем. К генерал-губернатору нас провели без очереди. Это был дурной знак. Сам он был похож на итальянского генерала: высокий и сухопарый, в мундире со стоячим воротником, расшитым какими-то галунами. Вокруг него тотчас забегали, закудахтали, залопотали люди неприятной наружности. И в этом птичьем клекоте повторялось одно понятное слово, сопровождаемое энергичным жестом и выпученными глазами: «большевик», «большевик».

Генерал объявил: «Вам придется ехать обратно». – «Почему?» – «У нас хлеба мало». – «Но мы здесь не останемся, мы едем в Москву». – «Нет, нельзя. У нас такой порядок: раз вы приехали из Крыма, значит, и поезжайте в Крым».

Дальнейшие разговоры были бесполезны. Аудиенция окончилась. Решение относилось к целой группе лиц, не знавших друг друга. Видимо, не доверяли, что мы сами поедем в Крым, и мы перешли на явно полицейское попечение. Полицейские же считали нас группой заговорщиков и, когда один убежал, с ножом к горлу приставали, куда скрылся наш товарищ.

В самой гуще батумского порта, около таможни, там, где грязные турецкие кофейни выбросили на улицу табуретки с кальянами и дымящимися чашечками, там, где контора «Ллойд-Триестино», там, где качаются фелюги и горят маки турецких флагов, где муши с лицами евангельских разбойников тащат на спине чудовищные тюки с коврами и мучные мешки, где молодые коммерсанты нюхают воздух, там возвышается ящик портового участка: внутри пассаж, бывшее торговое помещение, с одной только единственной камерой для всех высылаемых – «откуда и куда приехал».

О тюрьмы, тюрьмы! Узилища с дубовыми дверями, громыхающими замками, где узник кормит и дрессирует паука и карабкается на амбразуру окна, чтобы выпить воздуха и света в маленьком крепком окошке; романтические тюрьмы Сильвио Пеллико, любезные хрестоматиям, с переодеваниями, кинжалом в хлебе, дочерью тюремщика и визитами священника; милые упадочно-феодалные тюрьмы Виллона, моего друга и любимца, – тюрьмы, тюрьмы, все вы нахлынули на меня, когда захлопнулась гремучая дверь и я увидел следующую картину: в пустой и грязной камере по каменному полу ползал молодой турок, сосредоточенно чистил все щели и углы зубной щеткой. Ему очень не понравилось, что мы пришли и помешали ему. Он пробовал нас выгнать, но это было совершенно невозможно. Здесь мы должны были ждать парохода, который доставит нас в Крым. Из окна были видны нежные «японские» холмы, целый лес моторных и парусных лодок...

* * *

С вооруженным спутником я пошел в русскую газету, но она, как на грех, оказалась

Воспоминания, очерки, репортаж. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru врангелевской, и там сказали: «Если вы ничего дурного не сделали, почему бы вам не поехать в Крым?» После долгих мытарств мы нашли другую, более подходящую газету. Редактор, увидев меня, всплеснул руками и позвонил какому-то «Веньямину Соломоновичу». Этот Веньямин Соломонович и оказался настоящим гражданским генерал-губернатором Чиквишвили, я же попал в лапы к его военному заместителю Мдивани. Чиквишвили, человек с иконописным интеллигентным лицом и патриархальной длинной козлиной бородой, усадил меня в кресло, прогнал часового лаконическим – пошел вон! – и тотчас, протягивая мне какую-то тетрадку, заговорил: «Ради Бога, что вы думаете об этом произведении? Этот человек нас буквально компрометирует». Тетрадка оказалась альбомом стихотворений Мазуркевича, посвященных грузинским правителям. Каждое начиналось приблизительно так: «О ты, великий Чиквишвили... О ты, Жордания, надежда всего мира»...

«Скажите, – продолжал Чиквишвили, – неужели он считается у вас хорошим поэтом? Ведь он получил Суриковскую премию...»

1923

КИСЛОВОДСК ВЕСНОЙ

Разные бывают солнца, но такого как в Кисловодске, нет, кажется, больше нигде. При высшей своей жгучести оно не палит, не жжет, а глубоко, насквозь пронизывает тело радостью...

Тоже и кисловодский воздух. Разные бывают воздуха – степной, морской, горный, но кисловодский – особенный; мало того, что он насыщен всякими там кислородами и озонами; мало того, что сам он отличается необычайной легкостью, необычайной способностью проникать в легкие, – он и тела делает легкими... Восьмипудовая какая-нибудь туша чувствует себя в Кисловодске пятипудовой, а пятипудовые гражданки носят по горам, как перышки...

Тот самый гражданин, который здесь, в Москве, хирел от жиру, разгуливает по кисловодскому парку с улыбающейся физиономией. Сам воздух так поддерживает его подмышки. Ноги сами ходят, точно к щиколоткам привязаны крылышки, как у крылатого бога Гермеса.

Да, замечательные вещи – воздух и солнце в Кисловодске! Но еще замечательней – Нарзан. Это уж совсем что-то живое. Это как будто «просто углекислая вода, которая излечивает сердечные болезни», но это не так «просто». Это – шампанское, бьющее прямо из земли. Натуральное шампанское, – возбуждающее, чуть-чуть пьянящее...

Сядешь в ванну, и тело моментально покрывается пузырьками, – как бы серебряной чешуей. Струйками со дна подымаются эти пузырьки, все больше и больше, – вода точно закипает от присутствия в ней человеческого тела, и кажется, что и тело в соединении с нарзаном начинает излучать теплоту, кипит в ласковых иглах нарзана, теплеет, розовеет...

Сидит в ванне человек, какой-нибудь такой седой, с печальными глазами, и улыбается. А выходит из ванны, тело оранжевое, – совсем Аврора!

Потом легко идет, бодро, перекинув простыню через плечо, в парк, в горы, к «Красному солнышку», к «Медовому водопаду» (много прекрасных уголков и замечательных окрестностей в кисловодске!) – и черт знает куда его еще носит, старого человека с седой бородой! Усталости не знаешь в Кисловодске, – с каждой новой ванной нарзанной как будто начинаешь снова жить...

Недаром горские народы зовут Нарзан «Нардсанном», что означает «богатырь-вода»...

Да, хорошо в Кисловодске. И летом хорошо главным образом тем, что не жарко. Часто выпадают дожди – моментальные ливни, быстро просыхающие. Но после такого дождя воздух еще лучше, солнце еще ярче.

И весной, и осенью, и зимой хорошо в Кисловодске.

Летом там слишком много людей. Не видно деревьев за людьми. Облеплены горы людьми. А осенью и весной свободнее, тише. Тишина звенит. Начинается игра красок...

Воспоминания, очерки, репортаж. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru
В парке каждое утро на рассвете стелятся новые ковры. Выбежишь в парк, еще глаза не разлепились от сна, и видишь – опять постелены новые ковры. И разные все – самых разнообразных оттенков! Парк виден насквозь далеко. Вон под липами – оранжевый ковер, а рядом – золотой под кленами покрыл весь бугор, и солнце играет уже рассыпанным золотом у подножья стволов, а дальше, где ясень и дуб, – темнокоричневый ковер с зелеными пятнами... И все дорогие узоры, – персидские, французские...

Разве только вдруг выпадет снег... Покроет моментально белыми пеленами горы... Лежит ослепительный на фоне ярко-синего неба в горах. Красив снег в Кисловодске!

Но лица вытягиваются, начинается «ропот»: «вот те на! Приехали!», – и не успевают, как следует, забрюзжать приехавшие, как солнце скатывает пелены... И опять тепло. Даже в декабре бывает днем 20 град. тепла. Ходят в летних платьях и принимают солнечные ванны...

И шампанское зимой все также бьет из недр земли, животворящий богатырь – Нарзан – лучшей марки шампанское.

Но как ни хорошо в Кисловодске зимой, осенью и летом, а лучше всего все-таки весной. Весна побивает рекорд. Со всех времен года она собирает в себе самые лучшие краски. И, как птицы и пчелы на яркий цветок, слетаются в Кисловодск люди отовсюду, со всех сторон.

1927

ЕССЕНТУКИ

Ессентуки в отличие от Кисловодска (и особенно Железноводска, который карабкается на высокую гору) лежат в низинах – точно на досках. Никаких подъемов. Все они, кроме того, закутаны садами – сады и палисадники и в два ряда по улицам аллеи – бесконечная перспектива аллей.

В общем, странный город: выйдешь из своих ворот, отойдешь всего на два шага в сторону, и уже не видно за деревьями не только домов на противоположной стороне, но и своего дома: ни крыш, ни окон, ни заборов – все исчезает в деревьях, как будто и вовсе нет домов, – лицо города спрятано в густой листве, как женское лицо за покрывалом. Такое впечатление, во всяком случае, производит большинство улиц.

Самое интересное в Ессентуках – это, конечно, знаменитая на весь мир грязелечебница, о которой надо рассказать отдельно, а сначала – о парке, о целительных источниках и о Любе...

Парк огромный. Не знаю, какую площадь он занимает в действительности, но кажется, что его не обойти. Тут же и скаты, и крутые подъемы. Расположен он как будто на двух плоскогорьях, соединенных между собой то широкими и отлогими лестницами, то почти отвесными дорожками, стремящимися вниз сломя голову.

Благодаря такому расположению – в два этажа – получается интересная вещь: оркестр, который играет в центре, наверху, в двух минутах подъема, – внизу здесь совершенно не слышен. Там – музыка, шум и толчея, а совсем близко, тут, в аллее, тоже под горячим солнцем – глубокая и прямо загадочная тишина. Загадочная потому, что очень уж близок этот шум, неслышный, эта крикливая мишура, тогда как здесь сразу – торжественность.

Там, наверху, главный источник № 17, и к нему радиусами сбегаются аллеи, – там рестораны, кафе, театры, открытая сцена, ларьки с разными заманчивыми вещами, вроде оранжевых шарфов и копеечных брошек. Там, у источника, окруженного колоннадой, по утрам, часов так с семи, когда еще розовый воздух, проточной вереницей стоят больные с кружками – ревматики, подагрики, нефритики – непрерываемая очередь ожидающих исцеления. Девушка, наполняющая кружки водой, захватывает в каждую руку сразу их по нескольку за ушки, подставляет под струю, промывает (этой же самой целительной водой № 17), – ловким, кругообразным движением наполняет все – пожалуйста! – подымает сразу несколько кружек, точно прилипших друг к другу, – нам, сюда, к перилам – тут уж разбирайтесь сами – которая чья.

Вкусная вода – «ессентуки» № 17! Играет музыка, играет солнце, играют пузырьки в

Воспоминания, очерки, репортаж. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru кружке – газирруется вода в глубине земли – чуть-чуть пощипывает язык – слегка (оттого, вероятно, и хочется болтать, когда утром идешь в компании по парку и, не торопясь, глотками отпиваешь свою воду!) – вкусная вода – в ней земная прохлада и утренняя свежесть.

А днем внизу, на нижнем плоскогории, пьешь другую воду – источник № 4. Здесь – скорее радость, чем веселье. Здесь даже и в шуме – тишина. И кажется, что сюда специально льется солнце, в эти низины. Здесь замедляются шаги... Та же самая толпа вдруг радостно стихает.

Воду свою в кружках несем подогревать. Тут, рядом. В широком, мелком ящике, наполненном горячей водой, всегда уже стоит целая толпа кружек. Девушка в красном платочке (это и есть Люба) сидит на скамейке перед ящиком и градусником измеряет воду – кому сколько предписано градусов. Делает она это с полным вниманием, но флегматически – в медлительном темпе, свойственном ее наружности. Солнцем выжжены у нее ресницы. Лицо хорошо скроено, крепкие розовые губы – собственного цвета.

– Пожалуйста, измерьте, сколько в этой кружке...

– Пожалуйста, сколько в моей...

Десятки рук протянуты над кружками – каждый подвигает свою.

Она отвечает медлительно – 48... 35... 24... – ресниц не подымает, и взгляд ее переходит с кружки на кружку.

Одна за другой мелькают кружки и с кружками – люди. Целительная вода Эссенуков растекается по бесчисленным желудкам больных.

А над всем этим – горячее южное солнце и ласкающий воздух гор.

ПОЭТ О СЕБЕ

Из ответов на анкету «Читателя и Писателя»: «Советский писатель и Октябрь»

Октябрьская революция не могла не повлиять на мою работу, так как отняла у меня «биографию», ощущение личной значимости. Я благодарен ей за то, что она раз навсегда положила конец духовной обеспеченности и существованию на культурную ренту... Чувствую себя должником революции, но приношу ей дары, в которых она пока что не нуждается.

Вопрос о том, каким должен быть писатель, – для меня совершенно непонятен: ответить на него то же самое, что выдумать писателя, а это равносильно тому, чтобы написать за него его произведения.

Кроме того, я глубоко убежден, что, при всей зависимости и обусловленности писателя соотношением общественных сил, современная наука не обладает никакими средствами, чтобы вызвать появление тех или иных желательных писателей. При зачаточном состоянии евгеники, всякого рода культурные скрещивания и прививки могут дать самые неожиданные результаты. Скорее возможна заготовка читателей; для этого есть прямое средство: школа.

1928

Я ПИШУ СЦЕНАРИЙ

Шкловский посоветовал мне написать сценарий и скрылся, мелькнув огуречной головой. Больше я его не видел, но получилось вот что: я проклял Шкловского до седьмого колена.

Я решил написать из быта пожарных. Мне сразу померещился великолепный кадр во вкусе Эйзенштейна: распахнутый гараж и машины, как гигантские ящеры, набегающие на зрителя.

Или, например, тревога, качающийся колокол, дежурный у телефона, пожарные вскакивают с коек...

А можно начать с мирной жизни: пожарные сидят на койках и читают газеты, или можно еще углубить бытовой уклон: скажем, пожарные созывают какое-нибудь

Воспоминания, очерки, репортаж. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshtamjoseph.ru совещание для выбора делегатов или борьбы с чем-нибудь. Тут же играют в шахматы... И вдруг приходит чья-то жена, жена какого-нибудь пожарного и начинается... коллизия.

Да, коллизия, легко сказать – коллизия! Почему она приходит, чего ей нужно?

Нет, лучше подойти со стороны. Где-то в Замоскворечьи сидит за чаем семья бухгалтера и совершенно не подозревает, что вся обстановка с ореховым буфетом через полчаса сгорит, а в это время пылает на кухне примус, а возле него ребеночек.

Вся суть в композиции кадров и в монтаже. Вещи должны играть. Примус может быть монументален.

Например, примус подается большим планом. Ребенка к чёрту. Все начинается с погнувшейся примусной иголки (тонкая деталь). Иглу тоже первым планом. Испуганные глаза женщины.

Впрочем, лучше начать с китайца, продающего примусные иголки у памятника Первопечатнику. Это будет обрамление. Фильм без героя – это хорошо, но все-таки должен быть какой-нибудь главный пожарный. Пусть он еще не оторвался от деревни. С одной стороны он любит сельский инвентарь, с другой – привязан к пожарным машинам. Вот и конфликт: например, пожарный, тайно от всех, ночью прокрадывается в гараж и что-нибудь изобретает.

Вот уже ничего: как будто что-то маячит. Коллизию нужно, коллизию! За коллизию денежки платят. Коллизия – это не фунт дыма.

Пусть коллизия будет такая:

Когда-то, еще до войны, главный пожарный служил на заводе у частного капиталиста. Капиталист, в семнадцатом году, спасаясь за границу, замуровал в сейфе различные драгоценности...

Но надо столкнуть пожарного с бухгалтером. Чего они не поделили? Здесь узел всей фильма. Ответив на этот вопрос, мы сразу сдвинемся с мертвой точки.

Одного пожарного мало; оттого что ничего не выходит, что он разветвился. Нужно его противопоставить... Но что мы знаем о нем самом? Ничего, кроме того, что он еще не оторвался от деревни, да это и не вяжется с тем, что он служил у частного капиталиста.

Хорошо: пусть один служил у частного капиталиста, а другой еще не оторвался от деревни. Но эти-то двое чего не поделили?

Пусть вещи играют отдельно, а пожарные совершенно отдельно. В вещах – пафос событий, а в людях – социальный заряд. Машины, т. е. насосы и лестницы, воспитывают пожарного. Женщина тут не при чем: ей нет места в этой коллизии.

Кино – не литература. Надо мыслить кадрами.

Пусть главный пожарный дежурит в фойе театра, а в это время его товарищ угощает чужую жену пирожными.

Нет, это чепуха.

Тема перегорела в процессе работы. Ничего больше не маячит. Нужно поймать Шкловского.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://mandelshtamjoseph.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Башки buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!